

Федяева Елена Владимировна

ИСТОЧНИКИ ЭТНОСПЕЦИФИЧНОСТИ СОЗНАНИЯ И ИХ ЯЗЫКОВАЯ МАНИФЕСТАЦИЯ

Статья посвящена вопросу взаимосвязи языка и культуры, а также способам отражения в языке особенностей географического положения, климатических условий и основного рода деятельности людей, способствующих формированию ментальности нации, культурных ценностей и коммуникативных конвенций определенного лингвокультурного сообщества. Основное внимание автор акцентирует на демонстрации взаимосвязи сознания и языка: образы сознания, сформированные в определенных условиях окружающей среды, в рамках определенной культуры проецируются в семантику языковых единиц.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2013/8-2/51.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2013. № 8 (26): в 2-х ч. Ч. II. С. 185-188. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2013/8-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_phil@gramota.net

УДК 81; 81:39

Филологические науки

Статья посвящена вопросу взаимосвязи языка и культуры, а также способам отражения в языке особенностей географического положения, климатических условий и основного рода деятельности людей, способствующих формированию ментальности нации, культурных ценностей и коммуникативных конвенций определенного лингвокультурного сообщества. Основное внимание автор акцентирует на демонстрации взаимосвязи сознания и языка: образы сознания, сформированные в определенных условиях окружающей среды, в рамках определенной культуры проецируются в семантику языковых единиц.

Ключевые слова и фразы: этноспецифические образы сознания; ментальность; картина мира; концептуализация.

Федяева Елена Владимировна, к. филол. н.

Новосибирский государственный технический университет

fedyaeva_lena@mail.ru

ИСТОЧНИКИ ЭТНОСПЕЦИФИЧНОСТИ СОЗНАНИЯ И ИХ ЯЗЫКОВАЯ МАНИФЕСТАЦИЯ®

...каждый народ видит мир особым образом. Зависит это от того участка мирового бытия, который достался, доверен на жизнь каждому народу: от особого сочетания первостихий – земли, воды, воздуха, огня, – которое отделилось и в составе человека (этническом и духовном), и в быту, и в слове.

Г. Д. Гачев [2, с. 9].

Вопросы, связанные с поиском «следов» культуры в языке, находятся в центре внимания и зарубежной, и отечественной лингвистики уже не одно столетие. Существующее со времен В. фон Гумбольдта воззрение на язык как выражение индивидуального мирозерцания народа обуславливает тот факт, что и сегодня многочисленные работы посвящаются исследованию культурноспецифического в сознании и языке представителей различных лингвокультурных сообществ.

Язык, как известно, является одной из основных форм отражения культуры народа, поскольку именно в языковых единицах получают свое выражение особенности мировосприятия этноса, система внутренних ценностей, жизненный уклад и коммуникативные конвенции. Конечно же, язык не единственный способ самовыражения определенной этнической группы, однако, по словам В. фон Гумбольдта, «характер нации обнаруживает свою неповторимую самобытность, бесспорно во всех сферах, но больше всего его отражений именно в языке» [3, с. 172].

Поскольку в когнитивной парадигме язык метафорически определяется как окно в сознание, открывающее доступ к структурам и знаниям, имплицитным в языковых единицах, представляется интересной попытка соотнесения семантики языковых единиц со знаниями и опытом, полученными как в результате проживания в определенных географических и климатических условиях, так и со знаниями, приобретенными в ходе определенных исторических, а также внутренних социально-политических событий, которые, в конечном итоге, и формируют своеобразный и неповторимый менталитет нации.

Географическая среда обитания, характеризующаяся спецификой ландшафта и определенными климатическими условиями, играет, как представляется, существенную роль в формировании как отдельных образов сознания, так и картины мира в целом. Тань Аошунан отмечает, что с когнитивной точки зрения оказывается интересной возможность соотнесения языковой семантики с «плоскостным», «равнинным» мышлением или с «горным» языковым сознанием, то есть постановка вопроса о возможной связи языка с определенным типом ландшафта [9, с. 28].

Исходя из того, что восприятие зрением, несомненно, является одним из основных источников получаемой из внешнего мира информации, оно «обширно представлено в языках различными репрезентантами именно благодаря значимости данного способа познания окружающего мира и ориентирования в нем» [6, с. 11]. Поэтому тот факт, что природные объекты, конституирующие физическое пространство, получают свою манифестацию в языке, представляется вполне естественным.

Так, природный ландшафт Франции, характеризующийся наличием пяти довольно крупных рек и значимых горных массивов, обуславливает довольно подробную языковую «проработанность» данных природных объектов – продуктов зрительного восприятия. Известно, например, что во французском языке выделенные в ходе познания отличительные признаки такого природного объекта как река фиксируются разными номинативными средствами, дифференцирующими эти признаки. Так, лексема *rivière* имеет значение «река, впадающая в другую реку» (*cours d'eau naturel, de faible ou moyenne importance, qui se jette dans un autre cours d'eau* [16, p. 1653]), лексема *fleuve* – «река, впадающая в море» (*cours d'eau important, forme par la*

réunion de rivières et finissant dans la mer [Ibidem, p. 760]), а лексема **torrent** – имеет значение «горная река» (cours d'eau de montagne, à forte pente [Ibidem, p. 1900]). Существенные признаки, выделенные посредством зрительного наблюдения, сформировали определенные образы в сознании представителей данного лингвокультурного сообщества, связанные с представлениями об особенностях этих природных объектов, получив дальнейшую репрезентацию в языке, поскольку, по словам Е. С. Кубряковой, в «языке осмысление получает только то, что остановило внимание человека» [7, с. 8]. Приведем пример:

Il pleuvait de la joie dans son coeur. Des ondées de joie, des torrents de paix, des déluges de force [17, p. 169]. – *Радость пролилась дождем в ее сердце. Ливни радости, горные потоки умиротворения, приливы силы* (Здесь и далее перевод мой – Е. Ф.).

Разнообразие ландшафта, умеренный климат и плодородные почвы определяют высокий уровень развития сельского хозяйства, позволяющий считать Францию, прежде всего, аграрной страной, известной во всем мире благодаря своим винам, сырам и национальной кухне. Это определяет образ жизни людей, род их занятий и способствует формированию особой ментальности народа, под которой понимается «система взаимосвязанных образов, представлений, верований и убеждений, регулирующих поведение членов лингвокультурного сообщества и находящихся свое отражение в языке» [5, с. 40].

Благоприятные климатические условия, характеризующиеся достаточным количеством тепла и солнца в условиях умеренного климата центральной части страны и в особенности средиземноморского климата юга страны, определенным образом влияют на мироощущение людей. Приведем в качестве примера следующее описание: *Bond travelled listlessly along the Côte d'Azur. One evening in the early-summer twilight, he sat at a café overlooking the Mediterranean at Cannes, hearing the chatter of the tree frogs in the pines. How wonderful this little fishing town must have seemed to its first English visitors, with the softness of its air, the fragrance of the breeze and the simplicity of life exemplified in its food – grilled fish, salads and chilled wine. Tired of south of France, wishing the days would pass more quickly, Bond had come to Rome...* [14, p. 24-26]. – *Бонд путешествовал по Лазурному побережью. Сидя летним вечером в Каннах в кафе с видом на Средиземное море, слушая кваканье древесных лягушек, он размышлял о том, насколько прекрасным этот город мог показаться его первым английским посетителям: мягкий воздух, легкий морской бриз и простота жизни, выражающаяся в еде, – жареная рыба, салат и прохладное вино. Устав от юга Франции, желая, чтобы дни шли быстрее, Бонд поехал в Рим.*

Из данного контекста становится очевидным, что природные условия Лазурного побережья Франции не только формируют ритм и стиль жизни, но и оказывают влияние на способ мышления.

В целом легкое и позитивное отношение французов к жизни находит свое отражение в таких значимых для данного лингвокультурного сообщества компонентах культуры как *joie de vivre, savoir-vivre*, «ценностный компонент которого – это мажорное отношение к жизни как доминанта французской лингвокультуры и регулятив французского коммуникативного поведения» [4, с. 96].

В качестве еще одного примера приведем размышления главного героя романа — «*la consolante*» («Утешительная партия игры в петанк») французской писательницы Анны Гавальды: — *Il n'y avait qu'à Paris que les aéroports étaient si sales, songea-t-il. Trente-cinq heures, fameux french désinvolture ou certitude d'avoir, à portée de taxis ronchons, la plus jolie ville du monde ?* [13, p. 469] – «Только в Париже аэропорты такие грязные, подумал он. И что тому виной? Тридцатипятичасовая рабочая неделя, известная французская непринужденность или уверенность в том, что самый прекрасный город в мире находится всего-то в пределах поездки на такси с ворчливым водителем?».

Природная легкость, самоуверенность, сосредоточенность представителей французской нации, прежде всего, на самих себе, приводит к тому, что их мало интересует мнение других, их правота скорее безоговорочная. Так, говоря об особенностях речевого поведения представителей французской нации, Стефан Кларк, британский журналист и новеллист, отмечает следующее: — *The Frenchman's favourite tool when showing how right he is is the rhetorical question <...> And you finally realize that the French person is not asking you a question at all. They're having a conversation with themselves. During which, of course, no one will be able to interrupt them and tell them they're wrong <...> The big question is, of course, where does this French sense of paranoid rightness come from?* [12, p. 15-16]. – *Излюбленный прием француза, чтобы показать насколько он прав, – использовать риторический вопрос <...> В конце концов, вы понимаете, что французы вообще не адресуют вопросы вам. Они ведут беседу с самими собой, во время которой никто не может их прервать и сказать, что они не правы. Главный вопрос, конечно, в том, откуда у них это чувство параноидной правоты?*

Действительно, сдержанность представителей традиционной британской культуры в общении и проявлении эмоций, толерантность к иному мнению и уважение личной свободы идут несколько вразрез с коммуникативными установками представителей французской нации. Обусловленность стереотипа поведения выше перечисленными характеристиками продиктована значимыми для британской культуры концептами *UNDERSTATEMENT* и *PRIVACY*.

Специфика национальной ментальности британцев проявляется также и в том, что, по словам Г. Гачева, «прямолинейность и прямота не есть хорошее в Англии. Недаром там юмор – а он и есть изгиб вектора прямолинейной серьезности» [1, с. 99]. Вероятно, поэтому героиня романа К. Панколь, приехавшая из Великобритании во Францию, замечает: *C'est peut-être ce qui lui avait le plus manqué lors de son exil en France: l'humour anglais* [17, p. 51]. – *Наверное, то, чего ей больше всего не хватало с момента ее ссылки во Францию, – так это английского юмора.*

Островное положение, специфические климатические условия обуславливают несколько иное восприятие мира, иной ход мыслей, иные ценности: «Геоцентризм Англии не материковый, как в Евразии, где вод океанных и не видно, и земля все застит своим веществом, – но островной, где земля мала как барка в океане, – и тем притягательнее и есть оплот шкалы ценностей» [1, с. 39].

Территориально-географическая удаленность культур приводит к существенным различиям в концептосфере их представителей.

Достаточно суровые климатические условия и широкие русские просторы формируют свой собственный образ мира и собственную языковую картину мира представителей русской нации. Так, например, подробная языковая репрезентация концептуальной сферы, связанной с природными явлениями, характерными для страны с холодными климатическими условиями, приводит к тому, что «в русском языке, по вполне очевидным причинам, есть и *пурга*, и *метель*, и *буран*, и *снежная буря*, и *вьюга*, и *поземка*, и все это связано со снегом и зимой, а в английском это разнообразие выражается словом *snowstorm*, которого вполне достаточно для описания всех проблем со снегом в англоязычном мире» [10, с. 39]. Примером представлений о холодном русском климате представителей британской нации может служить следующее описание: *East of the town, there are no hills until you come to the Urals, so they say, which explains why it's so cold, because there's nothing to stop the wind from the Russian steppe* [15, p. 13]. – *На восток от города нет никаких гор, до самого Урала, именно поэтому там так холодно – нет ничего, чтобы могло остановить этот ветер с русских степей.*

Такие особенности русского ландшафта как бескрайние поля и просторы накладывают свой отпечаток на носителей русской культуры, формируя такие черты национального характера как тенденция к крайностям, эмоциональность, отвлекающая от рационального анализа, ощущение неподконтрольности бытия. Такое «пассивно-созерцательное, фаталистическое отношение к миру развилось, как полагают, от непредсказуемости русской природы» [8, с. 108]. Интересными в этой связи представляются следующие размышления француза, оказавшегося в России: — *dans aucun autre pays au monde Charles n'avait passé autant de temps à l'arrière d'une voiture. D'abord perplexe, puis inquiet, puis agacé, puis fou, puis... résigné. Ah! c'était donc ça, le légendaire fatalisme russe? Regarder au travers d'une vitre embuée sa bonne volonté se diluer dans le colossal bordel ambiant?*» [13, p. 103] – «...ни в какой другой стране мира Шарлю не доводилось провести столько времени (в пробках) на заднем сидении автомобиля. Сначала он был озадачен, потом обеспокоен, потом раздражен, потом взбешен, а потом... смирился. А, это и есть знаменитый русский **фатализм**? Наблюдать сквозь запотевшее стекло за тем, как все твои добрые намерения растворяются в этом колоссальном окружающем тебя бардаке?».

Территория Китая, немного схожая по размерам с территорией России, характеризуется сложностью строения поверхности и существенными различиями в климатических условиях разных районов страны.

Несмотря на тот факт, что горы занимают 60% площади Китая, нельзя говорить о приоритете «горного» языкового сознания, поскольку очагом китайской цивилизации является бассейн Желтой реки. Многовековой борьбой китайского народа с наводнениями объясняется тот факт, что любое «жапанье» или «жрчание» легко ассоциируется китайцами с грядущими катаклизмами, чем, вероятно, обусловлено наличие в китайском языке множества фонограмм, имеющих ключевым значением «вода» [9, с. 48]. Приведем пример описания этой природной стихии:

My life changed completely when I was twelve, the summer the heavy rains came. The Fen River which ran through the middle of my family's land flooded the plains. It destroyed all the wheat my family had planted that year and made the land useless for years to come. Even our house on the top of the little hill became unlivable. The courtyards were littered with uprooted trees, broken bits of walls, and dead chickens. We were so poor in all this mess [11, p. 53]. – *Когда мне было двенадцать лет, моя жизнь полностью изменилась. Летом того года прошли сильные дожди, и река Фен, протекавшая по землям моей семьи, затопила равнины. Она уничтожила всю пшеницу, которую мы посеяли, сделала землю абсолютно бесполезной на многие годы. Даже наш дом, стоявший на возвышенности, стал непригодным для жилья. Двор был завален вырванными с корнем деревьями, развалинами стен и мертвыми курами.*

Характер ландшафта и климатические условия оказали свое влияние и на род занятия людей представителей китайской нации. Так, выращивание рисовых культур возникло на территории современного Китая еще в эпоху неолита, о чем свидетельствуют археологические находки первобытных орудий труда из камня и кости. В связи с этим отметим тот факт, что в сборнике рассказов «The Joy Luck Club» американской писательницы китайского происхождения Эми Тэн прослеживается высокая частотность использования единиц, номинирующих предметы быта, а также ставшую в ходе истории традиционной повседневную пищу, что еще раз свидетельствует в пользу культурной маркированности сознания, его «наполненности» этноспецифическими образами, которые формируются в процессе воспитания и совместной жизнедеятельности людей. Поясним сказанное следующими примерами:

When I want to remember, it is like looking into a bowl and finding the last grains of rice you did not finish [Ibidem, p. 246]. – *Для меня желание вспомнить что-нибудь похоже на попытку отыскать оставшиеся в пиале зернышки риса.*

And I thought of a mean neighbor boy, who had tiny pits on his cheeks, and it was true, those marks were the size of rice grains [Ibidem, p. 152]. – *Я думала о соседском мальчишке, щеки которого были в крошечных, размером с рисовое зернышко, ямках.*

В целом же, говоря об особенностях менталитета китайской нации, можно предположить, что именно многовековая борьба с природными стихиями (наводнения, землетрясения), требующая совместных усилий многих людей, а также принцип коллективной обработки земли внесли существенный вклад в формирование таких черт китайский национального характера как коллективизм, настойчивость, сплоченность, трудолюбие и терпение, готовность стойко переносить страдания и лишения, жертвуя личными интересами во имя долга.

Таким образом, представления носителей разных языков о мире, а также этнокультурные установки, регулирующие процесс коммуникации, могут существенно различаться вследствие определенных географических (ландшафт), климатических условий, влияющих на мышление человека и формирующих и особую картину мира, и особый психологический характер наций. Язык структурирует и хранит знания определенного этноса о мире и каждый член этноса вместе с языком приобретает и систему образов, вкупе образующих образ мира, сформированную в определенном национальном сознании, ввиду чего «все индивидуальности, входящие в данную нацию, объединены между собой национальной общностью, которая в свою очередь отличает каждую отдельную систему мировосприятия от подобной же системы другого народа» [3, с. 165]. В языке находят свое отражение и особенности физического пространства, и реалии повседневной жизни, и общественный уклад, словом все, что для данной культуры значимо. Поэтому исследование процессов концептуализации мира в рамках определенной культуры посредством языка до сих пор, как представляется, не утратило своей актуальности.

Список литературы

1. Гачев Г. Д. Миры Европы. Взгляд из России. Англия, интеллектуальное путешествие. М.: Воскресенье, 2007. 688 с.
2. Гачев Г. Д. Национальные образы мира. Евразия – космос кочевника, земледельца и горца. М.: Институт ДИДИК, 1999. 368 с.
3. Гумбольдт В. Избранные труды по языкознанию. М.: Издательская группа «Прогресс», 2000. 400 с.
4. Карасик В. И., Прохвачева О. Г., Зубкова Я. В., Грабарова Э. В. Иная ментальность. М.: Гнозис, 2005. 352 с.
5. Козлова Л. А. Этнокультурный потенциал грамматического строя языка и его реализация в грамматике говорящего: монография. Барнаул: АлтГПА, 2009. 183 с.
6. Колесов И. Ю. Проблемы концептуализации и языковой репрезентации зрительного восприятия (на материале английского и русского языков): монография. Барнаул: БГПУ, 2008. 354 с.
7. Кубрякова Е. С. Языковое сознание и языковая картина мира // Филология и культура. Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г. Р. Державина, 1999. Ч. III. С. 6-13.
8. Прохоров Ю. Е., Стернин И. А. Русские: коммуникативное поведение. М.: Флинта: Наука, 2006. 328 с.
9. Тань Аошун. Китайская картина мира. М.: Языки славянской культуры, 2004. 240 с.
10. Тер-Минасова С. Г. Язык и межкультурная коммуникация. М.: СЛОВО, 2000. 262 с.
11. Amy Tan The Joy Luck Club. Lnd.: Vintage Books, 1998. 288 p.
12. Clarke S. Talk to the SNAIL. Ten Commandments for Understanding the French. Black Swan, 2007. 262 p.
13. Gavalda A. La consolante. Paris: Le Dilettante, 2008. 637 p.
14. Faulks S. Devil May Care. N. Y.: Vintage books, 2009. 386 p.
15. Faulks S. Engleby. Lnd.: Vintage Books, 2008. 342 p.
16. Lexis Larousse de la langue francaise. Paris: Larousse, 2002. 2109 p.
17. Pancol K. Les écureuils de Central Park sont tristes le lundi. Albin Michel, 2010. 945 p.

SOURCES OF CONSCIOUSNESS ETHNIC SPECIFICITY AND THEIR LANGUAGE MANIFESTATION

Fedyeva Elena Vladimirovna, Ph. D. in Philology
Novosibirsk State Technical University
fedyeva_lena@mail.ru

The author discusses the question of correlation between language and culture, as well as the representation methods of geographical location, climatic conditions, and primary people occupation features in the language, contributing to the formation of nation mentality, cultural values and communicative conventions of the certain linguo-cultural community; and pays special attention to the demonstration of the correlation between consciousness and language: the images of consciousness formed in certain environmental conditions and within the framework of particular culture are projected into the semantics of linguistic units.

Key words and phrases: ethno-specific images of consciousness; mentality; picture of the world; conceptualization.